

О ТРАНСФОРМАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

В. А. Каланда *

I

Обеспечение максимальной эффективности развивающегося межгосударственного сотрудничества и выполнение принятых международных обязательств требуют создания государственно-правового механизма реализации международных соглашений. И та, и другая задачи неразрывно связаны и во многом зависят от решения проблемы трансформации международного права в национальное с вытекающими из этого сложностями материально-процедурного и юридического характера.

Несмотря на значительное количество доктринальных исследований в этой области (работы, например, Э.М. Амелистова, В.Г. Буткевича, А.С. Гавердовского, Д.Б. Левина, Р.А. Мюллерсона, Е.Т. Усенко, С.В. Черниченко), не следует считать, что названные проблемы нашли свое разрешение. И если в общетеоретическом плане многообразие точек зрения по одной проблеме – состояние, вполне естественное для науки, то на практике это проявляется в разных подходах к процессу трансформации, что приводит к различному по объему и характеру восприятия внутренним законодательством положений международных договоров и в итоге снижает эффективность международного права в целом.

Формирование иной структуры общественно-экономических отношений, наполнение новым содержанием правовой системы государства (в частности, в области защиты и обеспечения прав личности) требуют приведения положений внутреннего права в соответствие с нормами международного права.

Первым важным и закономерным шагом в этом направлении является изменение отношения российского законодателя к характеру соотношения международного права и национального права России, что уже нашло свое отражение в ряде принципиально новых положений Конституции РФ, принятой в декабре 1993 года. Перед тем как остановиться на анализе этого документа и определить наиболее приемлемые и эффективные способы трансформации для России, сделаем краткий исторический очерк вопроса соотношения международного и национального права, определимся в использовании правовых терминов применительно к данной проблеме, выделим основные

---

* Адъюнкт Академии федеральной службы контрразведки.

направления и способы трансформации, используемые в практике зарубежных стран.

II

Вопросы соотношения международного и внутригосударственного права стали подробно рассматриваться доктриной лишь в XIX веке, но уже тогда были выработаны основные принципы такого соотношения, имеющие значение и на современном этапе. Так, ректор Московского университета Л.А. Камаровский подчеркивал: "... нужно строго разграничивать соприкасающиеся области – государственную и международную; нельзя одобрить ни перенесения государственных принципов на почву международную, как пытался это делать легитимизм, ни поддержки каких-либо государственных порядков международными мерами (например, гарантии известной формы правления или династии)"¹. Актуально высказывание и известного русского юриста П.Е. Казанского о том, что международное право и внутригосударственное право должны находиться в соответствии друг с другом: "Внутригосударственное право не может противоречить международному. Если же подобные противоречия окажутся почему-либо, государство обязано не только нравственно... но и юридически согласовать свои внутренние порядки с принятыми им на себя обязательствами. Международное право должно быть выполняемо. Находится или не находится с ним в согласии внутреннее право страны, это с международно-правовой точки безразлично"². Рассматривались вопросы соотношения международного и государственного права и зарубежными учеными того времени – Г. Бонфиксом, Ф. Гольцендорфом, И. Кюльбером. В 1899 году известный немецкий ученый Г. Трипель опубликовал первую в этой области работу "Международное и внутригосударственное право".

К настоящему времени установились три основные концепции относительно соотношения международного и национального права: дуалистическая и две разновидности монистических. Их детальный анализ выходит за рамки нашей статьи, к тому же в отечественной доктрине неоднократно рассматривались достоинства и недостатки указанных концепций³. Тем не менее следует указать, что к настоящему времени в зарубежной правовой литературе более распространена такая разновидность монистической концепции, как примат международного права над национальным, и наметилась тенденция отхода от монистического взгляда на данную проблему. Так, юрист-международник К. Райт (Cliff A) замечает: "Мы должны принять дуалистическую точку зрения. Международные суды применяют международное право, национальные суды – национальное право"⁴.

Советская международно-правовая доктрина рассматривала эту проблему, исходя из дуалистической концепции, отрицая приписываемую ей западными исследователями модель так называемого "абсолютного суверенитета"⁵. Вместе с тем нельзя не заметить, что в некоторых аспектах научного исследования вопроса соотношения международного и национального права отразились политические установки тех или иных групп лиц, оказала влияние (хотя и в меньшей, по сравнению с другими науками, степени) ситуация застоя и монополизма в отечественной науке⁶. Научные изыскания в этом направлении основываются на том, что развитие дуалистической концепции, ее наполнение новым содержанием – реальный путь обеспечения практических потребностей совершенствования национального законодательства.

Тем не менее в отечественной доктрине международного права существуют и иные точки зрения. Так, И.П. Блищенко, анализируя проблемы науки международного права, говорит: "... считаю особенно важным перейти от стереотипов трансформации международного договора во внутреннее право к прямому применению договора нашими судами, физическими и юридическими лицами и государственными учреждениями... Это потребует не только сломать барьеры между договором и внутренним законом, но и приступить к новым исследованиям возможности договора в решении вопросов внутреннего развития"⁷.

Мнение автора данной статьи о том, что действие международного права не должно распространяться на правоотношения между субъектами национального права, даже если существуют международно-правовые нормы, регулирующие отношения аналогичного характера, не является революционным. Аналогичной точки зрения придерживаются многие российские правоведы, хотя аргументы, приводимые ими в подтверждение необходимости трансформации, нуждаются в некоторой корректировке.

Р.А. Мюллерсон доказывает закономерность помощи национального права при исполнении норм международного права тем, что "субъектами международного права являются сложные социальные образования, к которым международное право относится как к неразделенному целому и, как правило, не принимает во внимание сложную структуру этих образований и особенности их функционирования.... Второй особенностью международного права, также определяющей необходимость содействия норм национального права при исполнении норм международного права, является то обстоятельство, что в нормах последнего часто содержатся положения, имеющие конечной целью регулирование не отношений между государствами, а отношений с участием субъектов национального права.

Так как такие положения реализуются в действиях субъектов национального права, то и нужна "переадресовка" последним, что достигается при помощи норм национального права"⁸.

Р.А. Мюллерсон, по нашему мнению, говорит здесь о формальных, производных причинах, обуславливающих трансформацию. Действительно, в международном праве существует значительное количество договоров, содержание которых направлено на урегулирование отношений с участием субъектов национального права. Однако если следовать логике высказанного Р.А. Мюллерсоном суждения, то наличие соответствующего международного механизма реализации норм международного права во внутригосударственной сфере позволяло бы как бы устранить нормы национального права от их исполнения. Следует помнить и о существовании самоисполняющихся договоров, не требующих "переадресовок" для их реализации соответствующим субъектам внутригосударственных правоотношений.

По нашему мнению, вне зависимости от специфических черт международного права и формальных его особенностей главная причина необходимости осуществления процесса трансформации заключается в том, что международное и внутригосударственное право направлены на регулирование разных по своему содержанию и происхождению общественных отношений.

Поэтому автору ближе позиция С.В. Черниченко, считающего, что "представляется неправильной даже постановка вопроса о возможности применения международного права во внутригосударственной сфере. Утверждение о том, что международное право может применяться во внутригосударственной сфере, равнозначно утверждению, что международное право в каких-либо случаях может регулировать внутригосударственные отношения"⁹. Мы можем говорить о действии международного права на территории государства как его субъекта, но не о действии международного права во внутригосударственной сфере¹⁰.

Даже в случае, если сфера действия международно-правовых норм охватывает отношения, возникающие между субъектами национального права, свою регулирующую функцию международное право не может осуществлять без внутригосударственного. В большинстве случаев реализация международного права во многом зависит от состояния и помощи национального права. Норма международного права, создаваемая субъектами международных правоотношений, налагает на них (субъектов) определенные обязанности не только по ее соблюдению на международном уровне (принцип "*pacta sunt servanda*"), но и по осуществлению в ряде случаев последовательных организационно-правовых действий в целях ее реализации.

Государство же, в силу своей природы представляющее собой "организацию" суверенной публичной власти, имеет лишь одну возможность такой реализации – через систему входящих в нее структур: органов государства, отдельных должностных лиц. Будучи властью суверенной, то есть независимой от влияния и воздействия иного политического и правового образования, оно реализует нормы международного договора, исходя из содержания внутригосударственного права и опираясь на национальное законодательство.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что эффективность трансформации зависит как от наличия в национальном праве соответствующих юридических норм, обеспечивающих правовое регулирование способа трансформации, так и от действенного организационно-правового механизма по обеспечению полноты, всесторонности и оперативности данного процесса.

По мнению автора, необходимость привлечения норм внутригосударственного права к процессу привлечения норм международного права объясняется тем, что, как уже отмечалось, международное и национальное право различны по объему, характеру и происхождению отношений, на урегулирование которых они направлены. Помимо этого, международное право имеет свои субъективные и объективные границы, выход за которые привел бы к нарушению основных принципов, императивных норм самого международного права¹¹.

Таким образом, трансформация международного права во внутригосударственное не просто целесообразна, а объективно закономерна. Даже сторонники теории прямого действия международного договора в национальном законодательстве не отрицают необходимости трансформационного процесса на современном этапе развития правовой системы России¹². Трактовка же примата международного права должна заключаться не в понимании главенствующей роли норм международного договора и возможности их прямого действия во внутреннем законодательстве, а в необходимости приведения национальных правовых норм в соответствие с международными соглашениями, обязательными для данного государства, и согласовании внутригосударственного права с общепризнанными принципами международного права.

Значительные разногласия в юридической литературе существуют по поводу использования терминологии процесса приведения внутригосударственного права в соответствие с международным. Широкоупотребительными в доктрине терминами являются такие понятия, как "трансформация"¹³, "рецепция"¹⁴, "имплементация", "национально-правовая имплементация"¹⁵. Их оценка выходит за рамки статьи, но автор полагает, что в правовом отношении более

полно отражает суть данного процесса понятие "трансформация" (разделяя в данном случае позицию С.В. Черниченко). В то же время мы считаем возможным включить в содержание термина не только осуществление согласования, но и национально-правовое обеспечение согласования международного и внутреннего права. Разработка норм национального права, обеспечивающих осуществление международного права на внутригосударственном уровне, – правомочие национального законодателя. Но создаваемый этими нормами правовой механизм является внешним выражением, формой, содержанием которой суть трансформация.

В отношении способов приведения национального права в соответствие с международным правом в научной литературе также существует широкий спектр мнений. Известный русский юрист П.Е. Казанский, анализируя варианты возможного применения норм международного права во внутреннем праве, выделяет два способа подобного применения: прямое введение в систему национального законодательства положений международного договора и "существенное изменение" данного законодательства, проводимое во исполнение требований международного договора¹⁶. Включение в систему внутригосударственного законодательства международного договора в полном объеме – способ наиболее простой и исторически сложившийся. Например, известный американский юрист О. Элворс еще в 1796 году в своем письме к Дж. Вашингтону утверждал, что "с момента, когда президент и сенат заключили договор, последний в силу конституции становится законом страны: все лица и органы в пределах юрисдикции Соединенных Штатов обязаны соотносить свои действия с ним. Такой закон *ipso facto* уничтожает все существующие законы, поскольку они вступают с ним в конфликт"¹⁷.

К настоящему времени с точки зрения юридической техники установились следующие виды осуществления международного права во внутригосударственной сфере:

1. Во внутригосударственное право включаются соответствующие нормы, позволяющие применять нормы международного договора при регулировании отношений между субъектами национального права. Эти нормы принято называть отсылочными, а сам способ исполнения положений международного права – отсылкой.

2. Более универсальным, по мнению Р.А. Мюллерсона, "является принятие государством норм национального права (или изменение либо отмена уже существующих), способствующих исполнению предписаний международного права. Эти нормы национального права могут повторять текстуально некоторые правила международного права, конкретизировать и адаптировать их к особенностям соци-

ального строя и правовой системы государства”¹⁸. С некоторыми уточнениями С.В. Черниченко данный вид трансформации определяет как легитимацию¹⁹.

3. Довольно часто практика отдельных государств заключается во включении в национальное право (точнее – в законодательство) норм международного договора путем применения существующих материальных норм внутригосударственного права для исполнения международного договора. Этот вид трансформации получил название “инкорпорация”.

Международное право различает с точки зрения формы юридически оформленную официальную трансформацию и неофициальную трансформацию; с точки зрения способа осуществления – автоматическую трансформацию и неавтоматическую, заключающуюся в принятии специального документа²⁰. Применение отдельным государством того или иного вида и способа трансформации зависит в первую очередь от правового закрепления конкретным государством характера соотношения международного права и права этого государства.

III

С позиции их возможного применения в национальном праве России рассмотрим виды и способы трансформации норм международного права в практике некоторых государств. Доктрина международного права выделяет по этим критериям три группы государств:

а) государства, конституционно закрепляющие возможность международного договора действовать внутри страны, в сфере действия национального права: это США, Франция, Бельгия, Голландия, Швейцария и др. В Конституции Соединенных Штатов Америки 1787 года говорится, что “настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены от имени Соединенных Штатов, являются верховным правом страны и судьи каждого штата обязаны следовать такому праву, что бы ему ни противоречило в Конституции или законах любого штата”²¹. На этом примере можно констатировать, что согласование международного и национального права в этих государствах носит характер общей автоматической трансформации, осуществляемой методом инкорпорации;

б) государства, национальное законодательство которых четко разграничивает международное и внутригосударственное право, например Великобритания, Канада. Там нет отсылки к международным договорам, и для обеспечения процесса трансформации положений определенного международного договора во всех случаях необ-

ходимо принять соответствующие нормы внутригосударственного права. Практика этих стран основывается на издании специального акта трансформации (статут и др.), а сам текст договора, как правило, прилагается к данному акту. Причем такой акт может придавать силу закона как всему договору, так и его части. То есть мы имеем дело с таким видом трансформации, как легитимация;

в) страны, в которых конституционно закреплён приоритет общепризнанных норм международного права. К ним можно отнести Италию, ФРГ, Грецию. Конституции этих государств либо объявляют общепризнанные нормы и принципы международного права составной частью национального права и утверждают их примат над правом внутренним²², либо закрепляют обязательность согласования национального права с общепризнанными нормами международного права²³. Проанализировав содержание конституционных норм указанных государств, правоприменительную деятельность их государственных органов по реализации положений международных договоров, Р.А. Мюллерсон приходит к выводу, что "общепризнанные нормы международного права для своего применения нуждаются в конкретизации. ...Поэтому само провозглашение этих норм выше права страны еще не означает, что они могут действовать внутри государства"²⁴. Данное утверждение справедливо в отношении всех возможных вариантов соотношения международного и внутригосударственного права. В случае же правового закрепления приоритета общепризнанных норм международного права речь скорее может идти о недействительности нормы внутреннего права, не соответствующей общей международно-правовой норме.

IV

Каков же на сегодняшний день механизм трансформации, обеспечивающий согласование международного права и внутреннего права Российской Федерации? Отправной точкой для получения ответа на данный вопрос служит анализ конституционных положений либо норм внутреннего права, определяющих и регулирующих этот процесс.

Обратимся к содержанию Конституции Российской Федерации 1993 года. Пункт 4 статьи 15 Конституции гласит: "Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора". Место данной статьи – в главе "Основы конституционного строя" – свидетельствует о ее

несомненной важности, и от ее толкования во многом зависит эффективность процесса приведения национального права России в соответствие с международным правом.

Согласно приведенному положению, Конституция вводит в правовую систему России общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации. То есть в данном случае мы видим перед собой конституционное закрепление трансформации, по способу ее осуществления и масштабу осуществления являющейся автоматической и общей трансформацией, а по виду ее осуществления – инкорпорацией. Это позволяет нам сделать вывод о наличии в Конституции Российской Федерации статьи, заключающей в себе трансформационную норму, и о возможности отнесения России к государствам, конституционно закрепляющим действие международного договора внутри страны.

Можно ли оценить новый подход законодателя к решению проблемы согласования международного и внутреннего права как позитивный?

Р.А. Мюллерсон называет следующие проблемы, возникающие при подобном подходе: "...во-первых, так как международный договор регулирует отношения между государствами и другими субъектами международного права, его положения, даже в том случае, если они в конечном счете имеют целью достижение определенного урегулирования отношений с участием субъектов национального права, не всегда пригодны для регулирования этих отношений. Отсюда возникает проблема так называемых самоисполняющихся и несамоисполняющихся договоров. Во-вторых, вступления договора в силу на международной арене, как правило, недостаточно для того, чтобы договор стал обязательным для субъектов национального права и в этих государствах. Суды большинства из них требуют, чтобы он был опубликован в официальных изданиях страны, а, как показывает практика, это не всегда делается. В-третьих, возникает проблема соотношения между нормами международных договоров, заключенных от имени государства разными его органами, и нормами национального права различного уровня. В-четвертых, возникает вопрос о юридической силе ранее заключенных договоров и последующих норм национального права в случае разногласий между ними"²⁵.

Хотя указанные трудности имеют достаточно реальный характер, данная аргументация отражает, по нашему мнению, позицию "крайнего дуализма" и достаточно легко опровергается. Так, применение в национальном законодательстве самоисполняющихся и несамоисполняющихся договоров является скорее частным, а не общим вопросом, решаемым как путем сочетания различных видов трансформации (например, инкорпорации и легитимации), так и конкретным

указанием на характер применяемого договора²⁶. Что же касается второй проблемы, затрагивающей момент опубликования договора, можно привести мнение немецкого юриста-международника Трипеля, высказанное, правда, по иному поводу: "Ошибочно утверждать, будто опубликование договора государством для исполнения его служащими и подданными дает ему внутреннюю государственную силу, делает его частью государственного права, сообщает ему характер закона... Договор остается договором, хотя бы он был опубликован в официальном собрании узаконений... Договор, хотя бы и опубликованный государством, обязателен только для государств, и неверно, будто опубликование делает его обязательным для подданных государства: их связывает не договор, а государственная норма"²⁷. Аргумент против третьей проблемы – установление четкого правового разграничения компетенции государственных органов, а четвертая вообще выглядит несколько надуманной (принцип обязательного соблюдения положений международного договора носит императивный характер).

Позитивность же конституционного закрепления трансформационных норм заключается, по нашему мнению, в том, что:

- данный подход заставляет государство в лице органов, уполномоченных на заключение международного договора, более взвешенно подходить к процессу его разработки, содержанию и принятию, учитывая возможность "включения" его положений в национальное законодательство и "прямого" действия на территории государства;

- в значительной степени ускоряется процесс реализации норм международного договора, что повышает эффективность действенности международного права в целом;

- значительно упрощается процесс "унификации" национального права различных государств по предмету заключаемых международных соглашений;

- упрощается процедура приведения норм внутреннего права (законодательства) в соответствие с международным правом;

- обеспечивается полнота исполнения положений международного договора в процессе его применения и воздействия международного права на внутреннее право в целом;

- обеспечивается "унификация" законодательства составных частей федеративного (конфедеративного) государства, укрепляется структура правовой системы данных государств (что в настоящий момент немаловажно для Российской Федерации).

Следует также указать, что законодательства ряда государств устанавливают определенные условия "прямого действия" международного договора в национальном праве. Так, статья 55 Конституции

Франции требует выполнения трех обязательных условий: ратификации либо одобрения международного договора, его опубликования, применения этого договора другой стороной"²⁸.

Положительные моменты анализируемого конституционного положения не вызывают у автора сомнений. Но не является ли это подтверждением примата международного права над внутренним?

Выше уже говорилось об авторском понимании характера соотношения международного и внутригосударственного права. В развитие этой концепции укажем, что инкорпорация норм международного права в правовую систему не означает действия международного права во внутригосударственной сфере: во-первых, потому, что инкорпорируются лишь обязательные для исполнения государством международные договоры (общепризнанные нормы международного права по своему характеру – самоисполняющиеся, и они воспринимаются правовой системой не как нормы-регуляторы, а как нормы-принципы); во-вторых, инкорпорируемая норма, по нашему мнению, изменяет свою природу. При ее применении в качестве регулятора внутригосударственных отношений, то есть отношений по субъектам, объектам, характеру и объему не равнозначных аналогичным понятиям международного права, она воспринимается субъектами внутреннего права как норма национального права. Ответственность за нарушение ее положений наступает также в соответствии с национальным законодательством.

И с точки зрения формальной логики говорить в данном случае о "превосходстве" международного права над внутригосударственным нельзя. Тогда отпала бы необходимость в заключительной части трансформационной нормы, закрепляющей обязательность применения положений международного договора в случае, если нормы национального права вступают с ними в противоречие в процессе регулирования тех же самых общественных отношений. В данном случае мы сталкиваемся с таким видом трансформации, как отсылка. Отсылка как вид трансформации и ранее применялась в союзном и российском законодательстве²⁹, и сейчас законодатель, с одной стороны, конституционно закрепил этот вид процесса согласования, а с другой – придал трансформационной норме законченность и логичность³⁰.

Проанализируем обоснованность "включения" общепризнанных норм и принципов международного права и международных договоров РФ в систему права Российской Федерации. Практика ряда государств (США, ФРГ) идет по пути инкорпорации международных норм непосредственно во внутреннее право³¹. Конституция Российской Федерации объявляет такие нормы составной частью националь-

ной правовой системы. Представляется, что это обусловлено несколькими причинами.

Под правовой системой в общей теории государства и права понимается определяемая экономическим и социальным строем структура права, выражающая внутреннюю согласованность и единство юридических норм данного государства и одновременное их разделение на соответствующие отрасли³².

Правовая система складывается исторически и является результатом действия значительного числа элементов объективного и субъективного порядка. Требование рационализма является одним из главных факторов, обеспечивающих эффективность процесса формирования правовой системы, и с этой позиции "включение" международных норм в правовую систему, а не в национальное законодательство, в период глобального пересмотра внутреннего права вполне оправданно и закономерно. Нельзя не учитывать и того, что "система права отражает прежде всего одну из самых сложных форм движения – социальную, где законы реализуются в деятельности и поведении людей... следовательно, мировоззрение, политическая доктрина, цели, преследуемые обществом, в значительной степени влияют на построение системы права, определяют ее направленность"³³. То есть изменение, постоянное движение правовой системы – исторически обусловленное явление, а вхождение в правовую систему Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров как реакция на геополитические изменения, происходящие в России, – процесс объективный.

Помимо этого, как бы ни было значительно общественно-политическое влияние на формирование и развитие правовой системы, оно не меняет ее сути как правовой категории, оказывающей значительное воздействие на восприятие права в целом, на правильное применение и реализацию норм права на практике. С.А. Голунский и М.С. Строгович указывали: "Без системы права невозможно разобраться в громадном количестве действующих норм, невозможно находить среди них те, которые относятся к тому или иному конкретному случаю... Система права дает возможность правильно понять, уяснить смысл нормы права; значение каждой нормы можно правильно оценить только в связи с другими, родственными ей нормами, а такая группировка родственных норм достигается именно благодаря системе права"³⁴. С этой точки зрения трансформация международно-правовых норм в правовую систему свидетельствует о переходе этой системы на качественно более высокий содержательный уровень.

Отметим также, что международная правовая система – явление более инертное, чем постоянно меняющееся внутреннее право,

и включение международных норм в национальную правовую систему, с одной стороны, придаст последней большую стабильность, а с другой – позволит оказывать более глубокое влияние внутреннего права на международное, побуждая его к восприятию позитивных новаций национального права.

Завершая анализ конституционных положений, обратим внимание на статью 125 Конституции, определяющую компетенцию Конституционного суда Российской Федерации. Она гласит: "Конституционный Суд Российской Федерации... разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации:

а) федеральных законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации;

[...]

г) не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации".

Как следует из приведенных положений, рассмотрение Конституционным судом договоров, вступивших в силу, не допускается, что как бы свидетельствует о "привилегированном статусе", своего рода "превосходстве" международного права перед федеральными законами и иными нормативными актами. Но это превосходство суть отражение действия принципа *pacta sunt servanda* в межгосударственных отношениях. Получившие известность слова Фокса – "этот принцип в международной сфере есть одна из основ цивилизации" – имеют, по мнению С.А. Котляревского, "теперь, вероятно, больше реального значения, чем когда он их произносил"³⁵. Без соблюдения этого принципа невозможно говорить о построении в России правового государства.

Опасность возможного действия на территории России международного договора, противоречащего конституционным положениям, может быть уменьшена, если процедура заключения международных договоров будет включать в себя экспертную оценку международного договора России со стороны Конституционного Суда.

Если содержание и характер правового закрепления трансформационной нормы являются позитивным шагом в формировании демократической правовой системы, то отсутствие должного государственно-правового механизма по ее реализации оказывается сдерживающим фактором этого процесса. Трансформационная норма как таковая определяет способ, вид и форму согласования международного и внутригосударственного права. Для обеспечения реализации норм международного договора необходимо, как правило, принятие соответствующего трансформационного акта, определяющего правовой характер и порядок применения. В свою очередь, положения о

форме трансформационного акта, его содержании для разного уровня межгосударственных договоренностей должны, по нашему мнению, найти свое отражение в новом законе "О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров Российской Федерации".

V

Проведенный сравнительно-правовой анализ положений Конституции Российской Федерации, направленных на регулирование процесса согласования международного права и национального права России, позволяет сделать следующие выводы:

- конституционное закрепление трансформационной нормы свидетельствует о качественно новом уровне решения проблемы соотношения и согласования международного и национального права и о понимании законодателем степени ее влияния на процесс становления правового государства;

- содержание конституционных положений отражает дальнейшее развитие и новое понимание дуалистической концепции соотношения международного и внутреннего права законодательной практикой РФ;

- появление в Конституции России трансформационной нормы является первым шагом на пути приведения национального права России в соответствие с нормами международных договоров Российской Федерации и общепризнанными принципами международного права. Эффективность ее реализации зависит от создания государственно-правового механизма, обеспечивающего процесс согласования и реализации международного права во внутригосударственной сфере. Принятие закона "О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров Российской Федерации", отражающего новые конституционные положения, позволило бы значительно упростить выполнение этой задачи;

- во избежание возможности действия на территории Российской Федерации международного договора, нормативные положения которого противоречат действующей Конституции, целесообразно включить в процедуру заключения международного договора РФ стадию его экспертной оценки Конституционным Судом на предмет соответствия положений договора Конституции России.

---

¹ Камаровский Л.А. Основные вопросы науки международного права. – М., 1892. – С. 33–34.

² Казанский П.Е. Введение в курс международного права. – Одесса, 1901. – С. 264.

³ См., например, Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. – М., 1982.

⁴ **Wright Q.** Treaties as Law in National Courts. Treaties and executive Agreements. Hearing before the Subcommittee on the Judiciary US Senate. — Wash., 1958. — P. 476. См. также **Kelsen H.** General Theory of Law and State. — Cambridge, 1945. — P. XVI.4.

⁵ См. **Коровия Е.А.** Абсолютный суверенитет или абсолютная неправда// Новое время. — 1947. — № 41. — С. 14 — 16.

⁶ См. интервью президента АН СССР Г.И. Марчука (**Правда**. — 1990. — 5 марта).

⁷ **Блищенко И.П.** Некоторые проблемы советской науки международного права//Сов. государство и право. — 1991. — № 3. — С. 134—135.

⁸ **Мюллерсон Р.А.** Указ. соч. — С. 58.

⁹ **Черниченко С.В.** Международное право: современные теоретические проблемы. — М., 1993. — С. 124.

¹⁰ Иной точки зрения придерживается И.П. Блищенко (см. **Блищенко И.П.** Указ. соч.; **его же.** Международное и внутригосударственное право. — М., 1960. — С. 66, 199; **Блищенко И.П., Солнцева М.М.** Мировая политика и международное право. — М., 1991. — С. 95—104).

¹¹ Более подробно о субъективных и объективных границах международного права см. **Черниченко С.В.** Указ. соч. — С. 83—181.

¹² Так, в упоминавшейся уже работе И.П. Блищенко "Некоторые проблемы советской науки международного права" автор, настаивая на прямом применении норм международного права в национальном, тем не менее считает, что первым "важным шагом в этом направлении должно быть приведение в соответствие с международными обязательствами и нормами всего законодательства, административных правил, ведомственных инструкций".

¹³ См. **Черниченко С.В.** Указ. соч. — С. 127.

¹⁴ См. **Гавердовский А.С.** Имплементация норм международного права. — Киев, 1980. — С. 72—80.

¹⁵ См. **Мюллерсон Р.А.** Указ. соч. — С. 74.

¹⁶ См. **Казанский П.Е.** Указ. соч. — С. 176.

¹⁷ **Cullon I.** The Treaty-Making Power//North American Review. — 1905. — 15 March. — P. 339.

¹⁸ **Мюллерсон Р.А.** Указ. соч. — С. 72—74.

¹⁹ См. **Черниченко С.В.** Указ. соч. — С. 134.

²⁰ См. подробнее **там же.** — С. 132—133.

²¹ **Конституция США.** — М., 1993. — С. 18.

²² См. статью 25 Основного Закона ФРГ (**Конституция буржуазных стран.** — М., 1968. — С. 107).

²³ См. статью 10 Конституции Италии (**там же.** — С. 64).

²⁴ **Мюллерсон Р.А.** Указ. соч. — С. 108.

²⁵ **Там же.** — С. 83.

²⁶ В частности, решением Федерального суда Швейцарии от 23 мая 1962 г. установлено: "Договор, заключенный Конфедерацией и содержащий юридические нормы, с момента вступления в силу автоматическим становится обязательным для публичных властей и граждан, если он является самоисполняющимся" (**International Law Reports.** — Vol. 32. — L., 1966. — P. 349).

²⁷ Цит. по: **Котляревский С.А.** Правовое государство и внешняя политика. — М., 1993. — С. 46.

²⁸ См. **Конституции буржуазных стран.** — С. 52.

²⁹ См., например, статью 64 Основ гражданского судопроизводства Союза

ССР и союзных республик (Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1980. — № 32. — Ст. 987).

³⁰ Как отмечает С.В. Черниченко, "правило, согласно которому все или определенная часть договоров данного государства инкорпорируются в его законодательство, не устраняет само по себе коллизий между трансформированными нормами этих договоров и нормами "чисто" внутренними, хотя и трактуется в практике нередко именно в этом плане. Строго говоря, оно должно логически дополняться правилом о приоритете трансформированных норм договора, то есть отсылкой" (Черниченко С.В. Указ. соч. — С. 140).

³¹ См. указанные работы С.В. Черниченко, Р.А. Мюллерсона, А.С. Гавердовского и других.

³² См. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. — М., 1973. — С. 287.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. — Соч. — Т. 37. — С. 418.

³⁴ Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. — М., 1940. — С. 283.

³⁵ Котляревский С.А. Указ. соч. — С.44.